

Русская речь в СМИ и как категория стиля

ВЛАДИМИР И. КОНЬКОВ
(Санкт-Петербург)

Tout dans le detail

Мысль о том, что стилистика, которая в своей основе выстраивается как функциональная, является одним из магистральных направлений развития этой науки, была высказана еще в середине прошлого века Ю. С. Сорокиным. Суть такого подхода дана автором в четкой и лаконичной формулировке:

Что касается стилистики функциональной, то она изучает конкретные принципы отбора, выбора и объединения слов в контексте речи в связи с общим смыслом и назначением высказывания. Ее задача – анализ многообразия стилистических применений элементов языка в конкретных речевых условиях (Сорокин 1954: 82).

Можно заметить, что автор ничего не говорит о том, что функциональная стилистика должна строиться как наука о функциональных стилях в ее современном виде. Автор ставит проблему в существенно более широком плане.

Суждение Ю. С. Сорокина наталкивает на мысль, что разного типа стилистик и подходов к пониманию такого сложного явления, как стиль, должно быть много. В пользу этого говорит тот факт, что успехи традиционной функциональной стилистики связаны прежде всего с изучением научного стиля. И если эти работы мысленно на какое-то время не принять во внимание, то успехи функциональной стилистики будут не

столь впечатляющими. Достижения традиционной функциональной стилистики в сфере художественной речи, речевой практики СМИ весьма скромные.

Идея функциональности, взятая сама по себе, предполагает, что исследователи отталкиваются от реалий речевой практики во всем ее разнообразии, а не от теоретических положений, пусть даже весьма авторитетных. Между тем при знакомстве с новыми работами по стилистике невольно обращаешь внимание на то, что встречается большое количество работ, исключительно теоретических по своему содержанию без анализа реального речевого материала.

За этим, казалось бы, чисто внешним признаком скрывается серьезная проблема: начинает складываться впечатление, что стилистика поменяла объект исследования. Авторы переходят к изучению самой стилистики как науки, создавая отвлеченные и весьма умозрительные теории стилистики и отодвигая при этом на задний план собственно изучение речи. Для сравнения заметим, что, например, в работе В. Г. Костомарова *Русский язык на газетной полосе* (Костомаров 1971), одной из наиболее интересных работ, посвященных изучению речевой практики СМИ, проблема теории стиля вообще остается в стороне. Автором предложен принцип описания речевого материала на основе концепции речевого поведения, соответствующей этой разновидности русской речи. Автор идет от реальной речевой практики к созданию необходимой для ее осмысления теоретической концепции.

Попытаемся, следуя обозначенному уже тогда принципу, посмотреть на сегодняшнюю речевую практику СМИ, акцентируя внимание на разнообразии сложившихся здесь разновидностей русской речи. Для этого вначале попытаемся ответить на вопрос: где и в каком аспекте целесообразно использовать термин *публицистический стиль* для описания речевой практики СМИ?

В последние годы круг проблем, которые осмысливаются как стилистические или имеющие прямое отношение к стилистике, столь расширился, что использование термина *стиль* стало вызывать некоторые трудности. Читая слова *стилистика*, *стилистический*, мы не всегда можем сразу определить, о чем идет речь. Положение стало усугубляться, когда к слову *стилистика* стали добавляться те или иные прилагательные, далеко не всегда свидетельствующие о появлении стилистики нового типа.

Попытаемся внести небольшую долю упорядоченности в употребление термина *стиль* применительно к речевой практике СМИ, надеясь лишь на понимание нашей точки зрения и нисколько не претендуя на то, чтобы считать ее единственно верной или предпочтительной.

Одним из источников формирования содержания категории *стиль* является эстетика. Категория стиля в этой науке имеет статус одной из базовых категорий. Эстетика дает нам ясное представление, что понятие стиля выходит за пределы филологической науки. В широком плане стиль имеет культурологический смысл, через стиль выявляется качество культуры. Та же эстетика говорит нам, что стиль является воплощением соответствующего конструктивного принципа и выявляет функциональные особенности предмета или явления (Борев 1997: 413–415). Эстетика четко обозначила, что существование стиля обусловлено наличием концепции этого стиля (или, иначе, конструктивного принципа) и, соответственно, связано с идеей функциональности, которая и позволяет выявить качественную специфику объекта.

Попытаемся просцировать данный подход к стилю в сферу исследования русской речи в СМИ, обращая внимание на её качественное разнообразие в аспекте функциональности. Исследователи отмечают принципиальную разнородность имеющегося здесь речевого материала, противопоставляя два полюса этого многообразия. Использование номинации *газетно-публицистический*, пишет Г. Я. Солганик, «характеризует наличие в публицистическом стиле двух подстилей – газетно-информационного и собственно публицистического» (Солганик 2003: 312). Если говорить о собственно публицистическом подстиле, имея в виду обозначенные выше общие принципы формирования содержания категории *стиля*, то, как нам кажется, одна из наиболее удачных характеристик публицистического стиля была дана Т. И. Поповой. Автор усматривает следующие отличительные особенности публицистических текстов:

все они носят воздействующий характер, связанный с созданием у читателей (зрителей) определенного отношения к передаваемой информации; пишутся в соответствии с определенной идеологической системой и опираются на систему определенных идеологических ценностей; отличаются тенденциозностью, т.е. журналист сознательно ставит свой текст на службу той или иной идее; обладают ярко выраженным субъективным началом; воспринимаются читателями (зрителями) как определенный эталон речи, поэтому создаются журналистами с установкой на демонстрацию речевого мастерства (Попова 2006: 128–129).

При чтении газет и журналов легко заметить, что под данное определение попадает лишь незначительное количество текстов, созданных средствами массовой информации. Сюда, безусловно, следует отнести, комментарий в его традиционном виде, современную колумнистику, а также очерковые тексты. Вот образец публицистической речи в узком ее понимании, соответствующем приведенному толкованию:

У российского актера Жерара Депардьё в центре Парижа украли скутер. Это не может не взволновать любого россиянина. Ему нечего было просто даже соваться в Париж. Еще легко отделался.

Сидел бы спокойно в своем Саранске, ничего бы не произошло. Так нет, всем в Париж надо. В Париж со своим скутером – все равно что в Тулу со своим самоваром. Вот и он выбрался. А там его уже ждали.

В Грозном и вовсе тишина. Преступность сведена на нет общими усилиями. В Грозном Жерар Депардьё мог бы безо всякой опаски кататься на скутере хоть круглые сутки. Тем более что Рамзан Кадыров теперь просто обязан подарить ему скутер. Именно после того, как у Жерара Депардьё украли его в Париже. Этот жест доброй воли будет выглядеть очень логичным и достойным.

К тому же на скутере с чеченскими номерами можно и по Парижу кататься. Скутеры с чеченскими номерами, как известно, не воруют (А. Колесников, «Коммерсантъ FM» 27.03.2013).

Одновременно с этим мы можем легко указать на множество текстов, соответствующих номинации газетно-информационный подстиль. Возьмём в качестве примера текст из информационного агентства или делового издания, содержащий официальную информацию:

Владимир Токарев назначен главой Госстроя, при этом он сохранил должность заместителя главы Минрегиона, сообщает Минрегион.

Федеральное агентство по строительству и ЖКХ (Госстрой) воссоздано в мае 2012 г. в рамках реструктуризации правительства после вступления в должность президента Владимира Путина. Агентство находится в подчинении Минрегиона. Первым его руководителем стал в июле Владимир Коган, однако в декабре он ушел в отставку, позднее его примеру последовали и его заместители (РИА «Новости» 08.04.2013).

Установка на невыраженность личностного начала, доминирование семантики факта приводят к тому, что лексико-грамматический строй данного фрагмента существенно отличается от лексико-грамматического строя первого фрагмента.

Разнообразие речи в СМИ не исчерпывается приведенными типами, а также их вариантами. Можно указать на такие речевые разновидности,

которые в принципе не являются ни собственно публицистическими, ни газетно-информационными. Приведем фрагмент текста, взятый из бульварного издания:

А на самой вечеринке, прошедшей, как всегда у МУЗ-ТВ, исключительно в дружественной обстановке, знаменитости, готовые принять участие в конкурсе, отдыхали, жевали и выпивали чуть ли ни в обнимку с прессой. Что случается в последнее время крайне редко. А к звездным приколам можно отнести появление в ресторане Максима Галкина без супруги Аллы Пугачевой. Говорят, она плохо стала переносить шумные сборища. Зато собирающаяся выйти замуж Кэти Топурия, не скрывая глубокое декольте, с неподдельным откровенным посидела на коленках у звездной красавицы Евы Польны. А обладатель семи тарелок МУЗ-ТВ Дима Билан спел песню прямо на столе, за которым сидела его продюсер Яна Рудковская. Но той было ни до чего – настолько увлекла ее sms-переписка с супругом Евгением Плющенко. На этом игриво-сладострастном фоне брючные костюмы певицы Нюши и Славы смотрелись верхом скромности. Но, несмотря на это, красавцы-мужчины роились вокруг них целый вечер («Экспресс газета» 27.03. 2013).

Весь речевой строй текста говорит нам о сильном влиянии разговорной концепции речевого поведения: интерес к бытовым подробностям; ориентация на здравый смысл; разговорные интонации, оценки и определения, возможные лишь при неофициальном типе речевого поведения, и т.д.

Изобразительная речь некоторых очерковых текстов также не укладывается полностью в рамки собственно публицистической речи:

Лето прошло, но какая радость в сентябре видеть остатки его! Дни прохладны. Но тихо. И видишь вдруг в лесу на поляне солнечный мир: шмель, после холодной ночи оживающих на цветах, и стрекоз, как на печке, греющихся на тёплых железных перилах мостка. Лето словно бы пряталось где-то в кустах и вдруг явилось проститься. Тихо попискивают синицы, сойка, услышав шаги человека, роняет с испугу несённый в кладовку жёлудь. А отважный, неунывающий поползень вниз головой бежит по стволу ясеня – прячет на зиму в щели коры козявок и лесные орехи (В. Песков, *Остатки лета*, «Комсомольская правда» 27.09.2007).

Специфика данного фрагмента (очерк из цикла «Окно в природу») состоит в том, что перед нами изобразительная речь, претендующая на статус образной речи. Изображение в этом случае формируется как воплощение идеи, концепции, превращаясь по мере развертывания текста в полноценный образ. Отсюда описательная речевая форма, лексика с предметным значением как основное изобразительное средство. Поскольку изобразительная речь широко распространена и в художественной ли-

тературе, то далеко не всегда по одному фрагменту можно определить, перед нами очерк или художественная проза.

Существенным образом на лексико-грамматический облик текста влияет характер содержания. «Тематический диапазон публицистического стиля, – подчеркивает Г. Я Солганик, практически не ограничен [...]» (Солганик 2003: 312). Так, текст, написанный на научную тему, но предназначенный для СМИ, содержит в большом количестве элементы, свойственные научной речи, изложение содержания при этом подвергается влиянию политико-идеологических установок:

Эндосомное КПП TLR7 находится внутри эндосомы – пузырька, плавающего в содержимом клетки. Впрочем, эндосома похожа на пузырек только под микроскопом. А на деле эндосома – курьер, который привозит в клетку гостей и посылки извне. При помощи целой артели таких «курьеров» клетка получает пищу и избавляется от мусора. Но и ретровирусы прибывают в клетку «с курьером» – в эндосоме. Находясь в эндосоме, они обнажают свой генетический материал, перекодируются (РНК в ДНК) и готовятся к встрече с геномом клетки-хозяина. Находясь внутри эндосомы, TLR7 распознает разные виды РНК. В нормальной ситуации в эндосоме РНК не бывает (молекулы РНК встречаются только в цитозоле и ядре). Поэтому TLR7, встретив хоть какую-нибудь РНК, начинают бить тревогу – запускается каскад химических реакций («Детали мира» 2011, № 1).

Мы узнаем характерное для научной речи использование терминологии, особое использование видо-временной системы глагола, черты именного строя речи т.д.

Перечень разновидностей русской речи, сложившихся в сфере СМИ, можно без труда продолжить, и список все равно будет носить открытый характер.

Разумеется, во всех приведенных примерах мы можем найти черты, характерные именно для текстов СМИ, обусловленные воздействующей функцией, которой подчинена информирующая, характером аудитории и т.п. Однако намного существеннее оказываются особенности, отличающие один текст от другого. Резонно ли объединять все эти разновидности русской речи, которые сложились в речевой практике СМИ, под одной номинацией – *публицистический стиль*? Или же, отказавшись от использования термина *публицистический стиль* в его широком понимании как одного из пяти функциональных стилей русского языка, выделять, описывать и классифицировать многочисленные разновидности газетно-журнальной, телевизионной и радиоречи?

Нам представляется, что можно идти как по первому, так и по второму пути. Главное, чтобы за этим не потерялась суть дела, которая видится нам следующим образом. СМИ в своей деятельности освоили речевой опыт, накопленный в самых различных сферах речевой практики общества. Здесь используется и техника изобразительной, образной речи, здесь используются речевые ресурсы научной деятельности, используются ресурсы деловой прозы во множестве ее разновидностей из сферы официального общения. И весь этот разнообразный речевой опыт был освоен СМИ творчески, в соответствии со своими специфическими коммуникативными целями. Поэтому мы можем с уверенностью лишь констатировать факт существования открытого множества разновидностей русской речи, сформировавшихся в сфере речевой практики СМИ.

Можно ли называть такие разновидности стилям? Можно, если удастся договориться о том, что мы в этом случае будем понимать под стилем. Очевидно, что понимание всех разновидностей речи прежде всего как разновидностей функционального публицистического стиля малопродуктивно. Такая оценка выглядит особенно правомерной, если мы погружаемся в методику преподавания стилистики на факультетах журналистики. Будущего журналиста невозможно обучать публицистическому стилю вообще, поскольку публицистический стиль – это абстракция. В практике работы журналисту непосредственно даны лишь разновидности русской речи, которые сложились в речевой практике СМИ и которыми он должен владеть.

Перечислим некоторые из основных параметров, по которым различаются эти виды речи. Речь, рассчитанная на массовую аудиторию, и речь, рассчитанная на аудиторию, дифференцированную по тому или иному параметру (возраст, интересы, профессия и т.п.). Речь с выраженным личностным началом – и речь с минимально выраженным авторским «я». Речь с ярко выраженным авторским «я» с демонстрацией индивидуального речевого мастерства. Изобразительная (в том числе образная) речь. Речь, построенная на основе разговорной концепции речевого поведения, – и книжная речь. Авторская речь – различные виды чужой речи. Речь, построенная с точки зрения автора, – и речь, построенная с точки зрения персонажа. Печатная речь – и речь, предназначенная для устного воспроизведения.

В каждом конкретном случае могут актуализироваться один или, чаще всего, несколько параметров. Так, если создается текст хроникальной информации в официальном издании, то автор должен владеть навыками формирования речи, рассчитанной на массовую аудиторию с минимально выраженным авторским «я». При создании очерковых материалов автор должен владеть навыками формирования образной речи с ярко выраженным авторским «я», с демонстрацией индивидуального речевого мастерства и ориентацией на массовую аудиторию.

Выбор конкретной совокупности речевых параметров, которые должен соблюдать автор, каждый раз определяется целым рядом факторов: тема, характер аудитории, тип издания, идеологические установки, жанр, речевые традиции, индивидуальные авторские предпочтения и т.д.

В связи с этим нам представляется целесообразным ввести понятие *стиля как речевой технологии*. Категория *стиля* должна быть осмыслена прежде всего с точки зрения автора, его коммуникативных потребностей. Речь получает статус *стиля* только в том случае, если является результатом осознанной, контролируемой автором речевой деятельности, в которой воплощена целостная концепция речевого поведения, или, иначе, стилевая концепция. Эта стилевая концепция сочетает в себе целый ряд речевых параметров, набор которых определяется потребностями конкретной коммуникативной ситуации и определяет качества речи.

На практике такая стилевая концепция может существовать в виде редакционного документа, где прописаны все особенности речевой разработки содержания. Стилевая концепция может быть представлена в виде совокупности требований редакции, предъявляемых авторам текстов в устном или письменном виде. Эта концепция может быть представлена также тем, что называется традициями издания, носителями которых являются его сотрудники, и т. д.

При обозначенном технологическом подходе к понятию *стиль* использование слова *стиль* исключительно для обозначения того, что называют функциональным стилем, выглядит уже по меньшей мере спорным, нецелесообразным. Речевой материал, покрываемый данным понятием, является чересчур разнородным, а выявление общих признаков возможно и целесообразно лишь при пассивном изучении достаточно большого по объему речевого материала. Роль концепции *стиля* выполняет в данном случае форма общественного сознания, которая в чисто практическом

плане обладает очень небольшим потенциалом в плане обучения активным навыкам письменной речи. Не случайно некоторые исследователи предлагали в этом случае не использовать слово *стиль*, а использовать номинацию *функциональные разновидности речи* (Шмелев 1977).

Детальное описание разновидностей речи в СМИ сосредоточено исключительно на вербальном компоненте речи. Причем, хотя это специально не оговаривается, практически анализируется преимущественно речь, представленная в газетных, журнальных публикациях и их интернетовских аналогах. Между тем огромный объем речевого материала порождается электронными СМИ. Если мы проведем типологизацию речи на основе противопоставления электронных и печатных СМИ, то в этом случае перед нами будут такие три разновидности речи, как печатная, телевизионная и радиоречь. Назовем их коммуникативными разновидностями речи, имея в виду их соотнесенность с тремя коммуникативными сферами – телевидением, радиовещанием и печатью.

Каждая из этих речевых разновидностей не может быть более или менее полно описана, если описанию будет подвергнут только ее вербальный компонент. Перед нами во всех трех случаях многоканальная речь, где существенную роль играет видеоряд. Тезис о визуализации информационного потока стал общим местом. Широкое распространение получает также номинация *поликодовая коммуникация*. При таком подходе к речевой практике СМИ возникает целый ряд проблем, которые полностью игнорируются, если мы ограничиваемся изучением только вербального ряда.

Хорошо известной, однако малоисследованной проблемой является изучение тех особенностей вербальной составляющей, которые обусловлены взаимодействием вербального ряда с невербальным. Так, например, текст, сопровождающий фотографию в журнале моды, во многом обусловлен в своем формировании именно наличием видеоряда – этой самой фотографии. В этом случае принципиально важно описывать семантику вербального и видеоряда в одной системе терминов.

Другая фундаментальная проблема – изучение существования и взаимодействия знаков разных семиотических систем в реальном пространстве и времени. Так, в печатной речи вербальный компонент располагается в двумерном пространстве плоскости, обязательно имеющей границы – страница журнала, газетная полоса в целом или ее выделенная часть,

рекламный модуль и т.п. Исследования показали, что любое движение речевого материала в печатной плоскости ведет к изменению смысловой структуры текста (Быкова 2011).

При анализе телевизионной и радиоречи важным фактором, определяющим в том числе и ее лексико-грамматические свойства, являются особенности ее существования в параметрах реального пространства-времени. Радиоречь, как правило, воспринимается в процессе какой-то трудовой или бытовой деятельности. Ее восприятие носит преимущественно симпрактический характер. Соответственно, тексты являются краткими, их композиция, семантическая организация, лексико-грамматический строй должны обеспечить возможность ее восприятия неподготовленному слушателю в некомфортных условиях.

В случае с телевизионной речью ситуация другая. Экран привязывает адресата к определенному месту, экран заставляет его в большей или меньшей степени сосредоточиться на восприятии телепередачи, а следовательно, и ее вербального ряда. Текст телепередачи в среднем намного длиннее текста, транслируемого по радио.

Повторяемые теле- и радиосюжеты, а также те, к восприятию которых слушатель или зритель подготовлен, воспринимаются совершенно иначе, чем те, которые выходят и воспринимаются спонтанно в потоке реального времени. Они могут существенно отличаться от первых по своим лексико-грамматическим параметрам.

Особенности существования функционирования в реальном пространстве-времени заставляют по-новому посмотреть и на свойства печатной речи. Традиционно считается, что печатная речь как разновидность письменной речи, по сравнению с речью устной, является обратимой, ее можно прочитать еще раз. Однако реально газета в большинстве случаев или читается с первого раза или не читается вообще. Газета не перечитывается. Так что печатная речь, рассматриваемая в реальном пространстве-времени, в коммуникативном отношении фактически является необратимой. И формироваться она должна соответствующим образом.

Вывод, который мы можем сделать, сводится к следующему. Необходимо стремиться к тому, чтобы дать максимально полное описание разновидностей русской речи в СМИ, отталкиваясь не от того или иного теоретического конструкта, а от самой речевой практики. Все-таки главная цель исследований русской речи в СМИ – реальные нужды работников

коммуникативных специальностей, а не удовлетворение прихотей теории стилистики.

Литература

- Борев Ю. Б., 1997, *Эстетика*, в 2-х т., т. 1, Смоленск.
- Быкова Е. В., 2011, *Речевая организация модульного текста*, Санкт-Петербург. «Детали мира», № 1.
- Костомаров В. Г., 1971, *Русский язык на газетной полосе: Некоторые особенности языка современной газетной публицистики*, Москва.
- Колесников А., 2013, «Коммерсантъ FM» 27.03.2013.
- Песков В., 2007, *Остатки лета*, «Комсомольская правда» 27.09.2007.
- Попова Т. И., 2006, *Жанровая дифференциация, отбор языковых средств в публицистике. Речевая агрессия и речевая манипуляция в СМИ. – Русский язык и культура речи: Учебник для технических вузов*, ред. В. И. Максимов, А. В. Голубева, Москва.
- Солганик Г. Я., 2003, *Публицистический стиль. – Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, ред. М. Н. Кожина, Москва.
- Сорокин Ю. С., 1954, *К вопросу об основных понятиях стилистики*, «Вопросы языкознания», № 2, с. 68–82.
- Шмелев Д. Н., 1977, *Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы)*, Москва.

Russian speech in media and style category

The article says that the variety of Russian speech in the media require more detailed, functionally differentiated description. Proposes a definition of style as a speech technology.

Keywords: *style, functional style, speech technology, functional speech varieties.*